

Константин Ковалев-Случевский

МОДЕСТ МУСОРГСКИЙ

ПОВЕСТЬ

Константин Ковалев-Случевский
Модест Мусоргский. Повесть

«Издательские решения»

Ковалев-Случевский К.

Модест Мусоргский. Повесть / К. Ковалев-Случевский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907922-0

Повесть для детей среднего и старшего возраста, рассказывающая о жизни великого русского композитора М. П. Мусоргского, автора опер «Борис Годунов» и «Хованщина», сборников «Картинки с выставки», «Детская». О выборе жизненного пути, творческой жизни в музыке, росте и становлении таланта с раннего детства повествует известный писатель Константин Ковалев-Случевский, автор популярных книг о музыкантах XVIII — XIX веков, в частности о композиторе Д. С. Бортнянском в серии «ЖЗЛ».

ISBN 978-5-44-907922-0

© Ковалев-Случевский К.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I. ПЕРВЫЕ УРОКИ	6
Крестины	6
На берегу озера Жижце	8
Концерт Джона Филда	10
Новый учитель	12
В пансионе	14
Тринадцать лет	16
Похвалы генерала Сутгофа	18
Неосуществленные замыслы	20
ГЛАВА II. ПРОБУЖДЕНИЕ	22
На службе	22
Счастливые встречи	24
Знакомство и дружба на всю жизнь	27
Балакиревские пятницы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Модест Мусоргский

Повесть

Константин Ковалев-Случевский

© Константин Ковалев-Случевский, 2018

ISBN 978-5-4490-7922-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I. ПЕРВЫЕ УРОКИ

Крестины

– А что, Тимофей Яковлевич, чья это телега ползет в нашу сторону?
– Не телега, дурень, а повозка, почти карета. Не видишь, что ли, – барская.
– Видать-то вижу, но глаза мои уже ничего не различают по старости лет. А чья карета будет?

– Из соседнего села Карева помещика Мусоргского. Верно, едут младенца ихнего крестить, что на неделе родился на свет. Бабка-повитуха рассказывала мне, что мальчиком Бог наградил. – Дьячок Тимофей Яковлевич осенил себя крестным знамением.

– Это который у них нынче сын по счету? – не унимался приземистый старичок, очутившийся в то утро у входа в Одигитриевскую церковь Пошивкина погоста, что в Торопецком уезде Псковской губернии.

– Много будешь знать – скоро состаришься. Хотя тебе это уже не грозит. Все равно недосуг мне тут с тобой разговаривать, надо батюшку отыскать.

– Да здесь он, в конторке у старосты. Ты погоди торопиться, скажи-ка лучше, это не те ли Мусоргские, у которых баринов отец женился на Арине Егоровой, крепостной из нашей деревни?

– Попридержи язык. Об сем не любят они вспоминать.

– Э-э, – старик огладил редкую седую бороду, – а я помню Арину. Красавица была неопишима. А как песни певала! Затянет, бывало...

– Вот-вот, песнями этими она его с толку и свела, прости Господи, – строго указал Тимофей Яковлевич. – А ведь человек-то был видный, офицер гвардейский из самого Петербурга. Все бросил. В деревне поселился. Вот так чуть и не пресекался их древний род.

– Тю, древний! Откудова?

– Э-эх, голова ты дурная. Откудова... Оттудова! От самого Рюрика-князя ихняя родословная. А помещица нынешняя, роженица, Юлия Ивановна, сродственница знаешь кому?

– Кому же?

Тимофей Яковлевич поднял палец вверх и словно бы погрозил незримому супостату.

– Самому генерал-фельдмаршалу Кутузову! Во как! Однако же, подъехали. Я пойду встречу, а ты иди-ка отца Александра кликни...

Старичок, побряхтывая и что-то непрестанно бубня, направился в конторку. Тем временем подкатила повозка. Дьякон засуетился вокруг приезжих, подавая руку то одному, то другому. Наконец сошла нянька, державшая на руках младенца.

– У ты, какой славненький! – восторженно произнес Тимофей Яковлевич, которому даже и не показали завернутого в одеяла новорожденного. На улице стоял мартовский морозец, да и по старинному поверью считалось, что до крестин показывать постороннему человеку младенца нельзя – сглазишь.

Гости направились ко входу в церковь. Оттуда по ступенькам к ним уже спешил приехавший специально из соседнего Рождественского собора священник.

Младенца крестили, как положено, а при крещении дали имя Модест, попросту Модя, о чем дьячок Тимофей Яковлевич с торжественным лицом сделал запись в приходской метрической книге: «1839 г. Родился 9-го, крещен 13-го марта месяца Модест. Родители его сельца Карева: отставной помещик, коллежский секретарь, Петр Алексеевич Мусоргский и законная жена его, помещица губернского секретаря Ивана Чирикова дочь, Юлия Ивановна, оба православного исповедания...»

Когда повозка двинулась обратно, весь церковный причт вышел провожать господ. Бабы желали вслед уезжающим доброго здоровья и долгих лет жизни новорожденному. А старичок думал про себя: прибавилось еще к числу барского племени господ помещиков. Теперь, значит, будет новый хозяин на здешней земле, а может, покинет вскоре родное гнездо и станет офицером, а там и на войну какую попадет. Войн теперь разных не счесть сколько происходит. Хватит на век будущего военного. Вся его жизненная дорожка ясна и проторена. Дай Бог, выйдет из него путный человек, не бесполезный земле русской.

На берегу озера Жиже

Барский дом в селе Кареве не выделялся особенной пышностью – обычная деревянная двухэтажная постройка. Двор, по которому временами пробежали дворняги, бродили гуси, а частенько прогуливался и норовистый боров, разламывавший загон, огорожен был невысоким забором, похожим скорее на частокол. Хозяин, Петр Алексеевич, грозился собакам перестрелять, а борова отправить на бойню, чтобы из него, наконец, сделали колбасу. Но когда остывал и переставал сердиться, то отменял свои угрожающие приказы и объявлял всему дому, что намеревается собрать к завтрашнему вечеру гостей и устроить музыкальный концерт, занятие, до которого он был большой охотник.

К следующему вечеру съезжались гости – соседские помещики, их дети, знакомые, и в большой зале дома Мусоргских устраивался музыкальный концерт. Играла на фортепиано в основном Юлия Ивановна. Этим искусством она обладала в совершенстве. Инструмент был приобретен ею давно. Старинной работы, фортепиано славилось своим звуком, и Юлия Ивановна самолично проверяла его состояние перед каждым выступлением.

Так дом Мусоргских прослыл музыкальным. Естественно, что и дети столь увлеченных музицированием родителей не должны были остаться равнодушны к игре на фортепиано. Беда была в том, что старший сын, Филарет, почти не имел ни слуха, ни особых способностей. Однако другой, Модест, любимец, меньшой сын, словно был подарен матушке для душевной радости и упокоения, схватывая буквально все на лету. Слухом обладал отменным, а целеустремленности, усидчивости и увлеченности ему было не занимать.

Батюшка поначалу смотрел на занятия музыкой с умилением.

– Не дурно, не дурно, – говаривал он после того, как в десятый раз выслушивал игранные Модей гаммы. – Ну-с, прямо-таки Филд в раннем детстве.

Его иронические намеки и сравнения с известным английским композитором и пианистом Джоном Филдом, проживавшим в России, первое время никто не воспринимал всерьез. И мог ли кто подозревать, что вскоре намеки станут сущей явью?

Когда же занятия перешли в серьезные упражнения и однажды Модя проиграл к изумлению всех домашних небольшое произведение Ференца Листа, батюшка Петр Алексеевич призадумался.

– Нужно ли, душа моя, – обратился он к жене, – нужно ли гвардейскому офицеру так хорошо играть на музыкальном инструменте? Ну, знает музыкальную грамоту, ну, обучен хорошим манерам. Может блеснуть в свете. И довольно. Меня начинает пугать даже эта чрезмерная увлеченность упражнениями.

– Оставь, голубчик, – ответствовала матушка, – ничего страшного не будет, если Моденька станет хорошим пианистом. На военной службе, о которой ты мечтаешь, это может весьма пригодиться.

Петр Алексеевич не возражал. Но записать сына с малолетства в гвардейский Преображенский полк, в котором служил еще его батюшка, также не запомнил.

Не знал он тогда еще, что сын проявлял и иные чудесные способности. Впрочем, даже матушка не знала порой всех происшествий, бывавших у Моденьки, когда к нему вдруг приходили на ум музыкальные образы и самые разнообразные мелодии.

На ночь он любил слушать сказки, которые рассказывала няня. Старушка знала их предельно множество. И не всегда сказки, а разные предания, легенды и истории. Порой, жуткие, после которых и заснуть было нельзя. В такие ночи мальчик вставал с постели и крался по коридору в залу. Здесь в полной темноте, поднявшись на цыпочки, он, приоткрыв пианино, на слух наигрывал мелодии. Успокаивался, лишь когда получалось нечто схожее с его пережи-

ваниями и волнениями. Няня, бывало, услышит, прибежит в залу, всплеснет руками и забранится шепотом, чтобы господ не разбудить:

– Ах ты, дитятко мое несмышленое, душенька моя сердешная! И пошто же наградил тебя Господь такую хворобою...

Схватит в охапку и отнесет в спальню.

А еще любил он часами слушать, как поют на дворе бабы после вечерней зари. Особенно во флигеле, в том самом, где он родился и где частенько сиживали за работой пряжи-рукодельницы. Без песни не шло у них дело. Так и пропоют, бывало, целый день. А мальчик – подле них.

– Что же вы, барин, сидите тут? Ведь обедать уже давно кличут. Ищу его, ищу, а он вон где, – причитает няня.

– Сейчас, сейчас, одну еще минуточку, – просит Модя.

– Да мы уж отпели все и работу закончили, – говорят пряжи и, подмигнув няне, встают с лавок, сворачивают рукоделье. Только так и можно было уговорить его пойти обедать.

Более всего запомнились Моде рассказы няни о том, как много веков назад, когда только пришли на русскую землю ордынские полчища, на северные псковские земли тоже обрушилась беда. Двинулись сюда воины свейские и литовские, а к ним прибавились и «лыцари-псы», одетые в железа. Трудно было русской земле в ту пору.

А то, что дом их стоит прямо на берегу древнего озера Жижце, надобно считать знаменем, ибо где-то тут неподалеку произошло долгое и жестокое сражение новгородцев и псковичей с литовским войском. Впереди русских богатырей на белом коне стремглав врывался в железные супостатовы ряды благоверный князь Александр. Разбили тогда русичи своих врагов.

– Расскажи еще, няня, об Александре Невском, – просил в который раз мальчик, укладываясь вечером спать.

– Вот ужо сказывала вчера. Лучше сегодня другую историю скажу.

И няня рассказывала о Стрелецком бунте, случившемся в государстве российском во времена, когда стал царем Петр, которого назвали позже Великим. Из стрельцов состояло тогда русское войско, и порешили они посадить вместо Петра другого царя, а вернее, царицу – Софью. самого же Петра, молоденького и еще несмышленого, задумали убить, для чего и бунт затеяли. А зная, что у Петра не так уж и много войска, поспешили собрать людей по всей матушке России и даже в свободолюбивых псковских землях.

Потому, сказывали, ехал сюда в Торопец стрелецкий посланник с письмом от самой царицы Софьи. Но провидение Божие было, видать, на стороне царя Петра. Ибо ночью, когда гонец переправлялся на лодке через озеро, поднялась большая волна и поглотила и лодку, и стрельца...

Утром, когда матушка будила Модю, чтобы тот готовился к музыкальным занятиям, он, едва проснувшись, обхватывал ее за шею и кричал:

– Матушка, мы сейчас с Александром Невским здесь, на нашем берегу, сразились с тевтонцами, и мы...

– Это был сон, глупенький, – смеялась матушка и строго выговаривала няне: – Эти истории на ночь надобно пореже рассказывать. Модя очень впечатлителен.

После завтрака мальчик сам, без всякого принуждения отправлялся в залу и по несколько часов не отходил от фортепиано.

Занятия эти так и остались бы просто любительскими, если б не произошло одно событие, которое в значительной степени повлияло на всю дальнейшую жизнь юного музыканта.

Концерт Джона Филда

К вечеру субботнего дня было объявлено соседям, что у Мусоргских снова затевается веселый праздник и что всех ждут на пирог с малиной да на чай со сливками и медом. Даже пасмурная погода с самого утра не помешала сбору гостей.

То и дело к парадной двери дома подъезжали запачканные в жидкой осенней грязи кареты, брички и иные повозки, из которых вылезали местные знатные дворяне с прислугой и чадами.

Как всегда, Юлия Ивановна играла на фортепиано. Затем гостей пригласили за стол. Разговоры за чаем затянулись. Но хозяйка прервала застолье и решительно пригласила всех вернуться в залу.

Когда публика расселась вновь, было приказано притушить часть свечей, отчего в гостиной воцарилась торжественная обстановка.

– А сейчас небольшой сюрприз, – объявила Юлия Ивановна.

Она села вместе со всеми в кресла. Наступила тишина.

В залу вошел Модя. Увидев так много гостей, он поначалу растерялся, но, почувствовав подбадривающий взгляд матушки, быстро овладел собой. Одет он был нарядно, на рукавах белой рубашки виднелись из-под сюртука, специально сшитого для сегодняшнего вечера, кружавчики, отчего кисти его рук казались еще более хрупкими и изящными.

Модя подошел к пианино. Открыл крышку, пододвинул поближе стул и сел. Еще несколько секунд тишины – и зал огласился мелодичной музыкой.

Гости были поражены. Девятилетний мальчик играл большой фортепианный концерт Джона Филда. О Филде только и говорили как о непревзойденном виртуозе и великом мастере игры на клавишных инструментах.

Модя продолжал играть, и чем далее он играл, тем все уверенней и вдохновенней. Матушка следила за каждым его движением, она качала в такт головой, будто пытаясь помочь сыну в наиболее трудных местах. Щеки ее покрылись румянцем. Она волновалась как никто из присутствующих.

Петр Алексеевич сидел рядом. На лице его была нескрываемая гордость. Хоть он и знал о сюрпризе заранее, да и слышал не раз, как Модя играл концерт на занятиях, сейчас он искренне восхищался сыном, не посрамившим фамилии Мусоргских.

Отзвучали последние аккорды. Едва заметная пауза сменилась бурными овациями. Хлопали долго, поздравляли Модю, родителей, благодарили за сюрприз. Потом просили сыграть еще и еще.

К концу вечера Модя переиграл все, что умел, а кое-что и по нескольку раз. Под конец он так устал, что попросил у матушки разрешения уйти и тут же. Получив его, удалился под всеобщие аплодисменты.

– Будет, будет из него толк, – восторженно проговорил Петр Алексеевич после того, как проводили последнего гостя. – Ты, голубушка, сделала, по-моему, просто что-то невозможное, фантастическое, – сказал он, обращаясь к Юлии Ивановне.

– Особенного ничего нет. Вон с Филаретом занимаюсь я столько же, а результата – никакого. У Моденьки способности, а может быть, даже талант.

– Да-да, это ему пригодится на военной службе.

– Все-таки на военной?

– Я не представляю себе, чтобы мои дети, мои сыновья, избрали себе другую карьеру. Все мы, весь наш род, служили царю и Отечеству на военном поприще. Другого я им и не желаю.

– Я не возражаю. Тем более что Моденька только и говорит о форме гвардейского офицера. Но и музыку бросать нельзя. А тут я ему более не помощница. Нужен хороший педагог, который бы развил и усовершенствовал его дарование.

– Согласен. Нужен настоящий наставник. Но где же его взять у нас, в глуши? Придется нам ехать в столицу. Тем более что и Филарету скоро уже тринадцать, а значит, пора поступать в Школу гвардейских подпрапорщиков. Будем собираться в Петербург.

Следующим летом все было готово к отъезду. Филарету исполнились положенные для зачисления в Школу тринадцать лет, да и знакомые в Петербурге договорились с известным преподавателем музыки Антоном Герке, что он будет давать уроки младшему сыну Мусоргских.

С августа 1849 года Модина судьба словно бы пошла по новому, еще загадочному и неизведанному, но привлекательному и многообещающему направлению.

Впереди был Санкт-Петербург – город, освященный деяниями и мыслью Великого Петра...

Новый учитель

Стук в дверь прервал тишину, властвовавшую в немного мрачной петербургской квартире. Юлия Ивановна, бросив вязанье, над которым провела последние два часа, чтобы занять время и поменьше волноваться, поспешила отворить.

В прихожую молча вошли Петр Алексеевич и Филарет.

– Что? Как? Не томите. Что у Филаретушки? Петр Алексеевич, как?

– Плохо. Провал...

Сквозь приоткрытую дверь из комнаты в прихожую смотрел Модест. Он тоже переживал за брата, который сегодня сдавал последний экзамен в Школу гвардейских подпрапорщиков. И он еще не мог осознать, к чему относится слово «провал», ведь в том, что Филарет поступит и сдаст экзамен, почти никто не сомневался.

– Половину поступавших срезали. И спрашивать-то не спрашивают. А так – «неуд», и все! – возмущенно говорил отец. – И этот тоже хорош. На простых вопросах запинаться стал.

Юлия Ивановна, ничего не ответив, ушла в спальню. Моденька тоже затворил дверь из гостиной и побежал к себе. Как же так! Какая несправедливость! Филарет так хотел в гвардейскую школу! И вдруг – неудача.

Моде было обидно за брата. Словно он сам провалил экзамен, будто ему поставили «неуд».

«Неуд»! Какое неприятное, страшное слово! Не просто плохая оценка, а «неуд»! «Неудовлетворительно»! Ничего позорнее нет, нежели сделать не плохо и не удачно, а именно «неудовлетворительно».

Нет, он не допустит того, чтобы получить «неуд». Стыдно. Да и матушка очень огорчится. Вот как сейчас – запрется в спальне и станет тихонько плакать.

Вдруг дверь в Модину комнату отворилась и вошла Юлия Ивановна.

– Сегодня мы, кажется, еще не сидели за фортепиано? – приветливо спросила она.

– Сегодня еще нет.

– Что ж, даже неудача твоего брата не должна нас прерывать. Я, Моденька, решила, что завтра мы идем с тобой к Антону Августовичу. Зачем откладывать?

– Все равно, – раздался из-за двери громкий голос отца, – все равно будет мой сын учиться в Школе подпрапорщиков! Ежели старший умом не вышел – младшему этот путь уготован.

Матушка обернулась на голос.

– Нет-нет. Прошу не возражать. Возраст тут не помеха, – еще громче добавил отец. – Будут пока оба заниматься в Петропавловском училище. Когда подготовятся, тогда и сдадут экзамены в гвардейскую школу. В Петершулле разным наукам выучат, в литературе просветят, да и языком немецким мальчишки изрядно овладеют. Какой-никакой, но толк выйдет. Да-с.

С утра направились к Антону Августовичу Герке. Он жил почти в самом центре Петербурга. Едва переступив порог квартиры, Модя ощутил необъяснимый трепет, словно бы его привели в какой-то храм.

И действительно, квартира музыканта походила на храм искусств. Здесь все имело отношение к музыке. И портреты на стенах, и инструменты, закрытые стеклянными колпаками, и громадное количество нот на стеллажах, и, наконец, великолепный рояль, венчавший большую комнату.

Антон Августович происходил из известной музыкальной семьи. Не так давно похоронил он отца – прекрасного скрипача и педагога, о котором ходила слава как о сочинителе необычных произведений, таких, как, например, «Военная увертюра с тремя пистолетными выстреле-

лами». Антон Августович учился у отца, а позднее – у многих именитых знатоков музыки: Калькбреннера, Мошелеса, Риса. Но главное – он был одним из лучших учеников самого Джона Филда!

Об этом знала матушка. Впрочем, об этом знал весь Петербург. Потому и на его концертах публики собиралось много: зал всегда был полон. Сам Император пожаловал ему звание придворного пианиста.

За границей Герке был известен не менее, чем в России: он совершил триумфальную поездку по Европе. Его игра поразила таких выдающихся знатоков, как Ференц Лист, Сигизмунд Тальберг и Клара Шуман. Они даже считали его мастерство образцовым.

Образцовым!

Вот почему зваться учеником Герке было не просто трудно, но и весьма почетно. Позднее уроки игры на фортепиано у Антона Августовича станут брать Стасов, Чайковский, Ларош и другие известные в истории русской музыки люди...

– Я доволен игрой вашего сына, – обратился Антон Августович к матушке после того, как Модя проиграл две пьесы. – Занятия наши будут проходить регулярно. Однако у меня просьба – не перегружать его в Петершулле.

– Мы постараемся сделать все для того, чтобы исключить помехи для занятий.

– Что ж, вот и хорошо. Опрятность и систематичность – это мои основные принципы.

Со следующей недели Модест стал по несколько раз в неделю посещать дом своего нового наставника.

В пансионе

Дни проходили однообразно. Музыка – уроки, школа – дом Герке. И снова – уроки, снова – фортепиано. У иного ученика это вызвало бы скуку. Но Модест учился на редкость спокойно, без напряжения. Музыка была его родной стихией. Он не уставал от многочасовых занятий, а, напротив, увлекался все более и более.

Педагоги отмечали его успехи. В школе – особо. А Герке просто души не чаял в новом ученике.

– Модест! Я чувствую, что вы можете стать первостепенным пианистом. Вам надобно, во-первых, думать о своих музыкальных занятиях, во-вторых, больше выступать. Мы занимаемся уже два года, и ныне я могу без всякого стыда представить вас на публику. В следующем месяце наша столичная музыкальная общественность устраивает благотворительный концерт в доме у статс-дамы Рюминой. Вы будете играть на этом концерте. Я так решил.

Антон Августович вышел в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся с нотами в руках.

– Вот-вот, именно это вы и сыграете! – Герке положил перед Модестом ноты. – Прочтите!

– Анри Герц. Рондо.

– Именно. Герц! Рондо! Знаете ли, юный друг, что это такое? Это сочинение моего друга, французского пианиста. Его еще плохо знают у нас в России. Вы сыграете его. Впервые! Но это трудная, очень трудная вещь!

Герке сел за рояль и взял несколько аккордов.

– Вы слышите? Вы чувствуете, какая музыка?!

– Да.

– Модест, вы это сможете сыграть. Правда, если не будете отвлекаться на иные дела...

«Иными делами» Антон Августович называл пансион Комарова, учебное заведение, куда Модест был переведен из Петропавловской школы. Здесь не столько обучали, сколько муштровали для того, чтобы выпускник пансиона мог затем поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков.

– На будущий год все-таки осуществится моя заветная мечта – увижу своего сына в военной форме, – говаривал отец.

– Не нравятся мне эти военизированные порядки в пансионе, – приговаривала матушка. – Еще успеет он наслужиться в офицерском чине. На что теперь, в столь малом возрасте, такие «внушения»? Да и Антон Августович...

– Антон Августович прав по-своему! Но и я тоже прав. Вот увидишь, военная служба послужит ему добрым уроком в жизни.

Приближался день намеченного концерта.

На вечер пошли всей семьей. С таким нетерпением ждали выступления Модеста, что не слушали как следует исполнителей, игравших до него.

Когда заиграл Модест, матушка замерла, будто перестала дышать. Но больше всех волновался Антон Августович. С последними звуками он вскочил с кресла и подбежал к юному пианисту.

– Славно, славно! – громко закричал он, заглушая аплодисменты. – Все знают, как я строг к своим ученикам. Но сегодня особый день, особое событие, и я хотел бы отметить его подарком.

С этими словами Герке протянул Модесту нотный альбом.

– Это мой любимый Людвиг. Божественная, энергическая музыка. Соната As-dur, которую мне приходилось играть одним из первых. Модест, исполняя Бетховена, вы воодушевляете мир смертных. Знайте, мальчик, у вас большое будущее.

Тринадцать лет

День рождения ожидали с особым благоговением: тринадцатилетие открывало Модесту путь в офицерскую школу.

Но он пока не думает об этом. Вернее, возможности думать об этом постоянно у него нет. Он мечтает о музыке. Ведь Школа гвардейских подпрапорщиков отнимет все время. После поступления туда занятия с Герке, наверное, придется прекратить.

В его репертуаре самые разнообразные сочинения Филда, Герца и таких корифеев музыки, как Бетховен, Моцарт, Шуман и прославившийся ныне во всей Европе венгерский композитор Ференц Лист.

Антон Августович приметил у своего подопечного и еще одну способность: не столько играть, сколько импровизировать. Частенько Модест обыгрывал мелодии из разученных им сочинений, а то вдруг садился за рояль и начинал сочинять сам. Играл быстро, бегло. Воодушевляясь, играл все больше и больше. А когда заканчивал, к сожалению, не мог повторить все сначала. Забывалось то, что еще минуту-другую назад казалось столь значительным.

Поначалу Антон Августович, слушая импровизации Модеста, молчал. Но как-то не сдержался:

– Модест, вам следует более внимательно отнестись к вашим наигрышам. Фантазии и впечатления не так-то просто переложить на ноты и выразить в музыке. Клянусь небом – вам это удастся. Но не удастся, к сожалению, самое главное – умение записать сочиненное, оформить его на бумаге. Много музыкальных дарований погибло именно из-за отсутствия способности зафиксировать сотворенное. Итак, думаю, настала пора нам понемногу заняться композицией... Если, конечно, ваши армейские помыслы не вытеснят ваши же благие музыкальные начинания.

После экзаменов в Школу гвардейских подпрапорщиков Модеста и Петра Алексеевича ждали все домашние, как когда-то ждали Филарета.

В прихожей зазвенел колокольчик.

– Ну что, Модестушка?

– Встречайте юнкера!!! – прокричал Петр Алексеевич. – Экзамены сданы! Модест принят!

Все бросились обнимать нового ученика.

То была осень 1852 года. С этого момента жизнь Модеста вновь круто изменилась. Чаяния отца сбылись. Так же как и дед, Алексей Григорьевич, Модест теперь мог попасть в лейб-гвардии Преображенский полк. Карьера обеспечена.

Но музыка...

Ведь без нее тоже нельзя. Без нее он уже не сможет жить. Она – часть его бытия. Его существо. Его душа. Как же совместить одно с другим? Фрунт и искусство, суровый быт и сладкие романтические грезы?

Матушка переживала за Модеста все более, и ее мнение совпадало с мнением Герке: учить Модеста музыке необходимо и далее. Перерыв в образовании может погубить выявленные способности.

По субботам Модест еще посещает квартиру Антона Августовича. Как и прежде, импровизирует на рояле.

– Что это вы, мой друг, сейчас играли? – спросил его однажды учитель, войдя в комнату после некоторого отсутствия.

– У нас в школе, Антон Августович, обещают устроить бал для всех нынче принятых. Вот я и решил сочинить для бала танец.

– Танец?! Какой же?

– Польку.

– Похвально. И как же вы ее назовете, юнкер?

– Полька «Подпрапорщик», Антон Августович.

– Недурно. Сыграйте еще раз.

Модест проиграл сочиненную им часть польки.

– Ну что ж, интродукция – начало неплохое. И даже в одном месте контрапункт интересный. И это все?

– Пока все. Думаю еще две части сочинить.

– Надеюсь, я услышу все произведение целиком? Когда закончите польку, непременно покажите мне. Мы посмотрим, как лучше ее аранжировать.

Полька «Подпрапорщик» была написана быстро. Умелая рука Герке лишь подправила отдельные недочеты. На балу она прозвучала в исполнении автора, причем в самый торжественный момент. Старшие ученики Школы отметили Модеста как одного из интересных и неординарных новичков, и он сразу же приобрел некоторый авторитет.

Но Модест еще не знал, о чем договорились Антон Августович и Петр Алексеевич. Отец брал на себя расходы, а Герке – хлопоты по изданию первого сочинения начинающего пианиста. Модест тогда еще не понимал, да и не мог понять, что это значит в его жизни. Однако когда спустя несколько недель он увидел собственное произведение, отпечатанное типографским способом, то был чрезвычайно обрадован. Событие немаловажное, и воспринято оно было всей Школой с одобрением.

Полька вошла в обиход. И всякий раз, когда устраивались торжественные вечера или балы, куда приглашались почетные гости и девушки из самых разнообразных благотворительных учебных заведений или из именитых семей, то у оркестрантов на пюпитрах появлялись ноты, озаглавленные по-французски «Porte-enseigne. Polka par Modeste Moussorsky», что по-русски значило «Полька Подпрапорщик, Модеста Мусоргского»...

Звучала уже всем знакомая и всеми любимая мелодия, словно небольшой танцевальный гимн привилегированного учебного заведения. Как правило, за роялем сидел сам автор.

Похвалы генерала Сутгофа

Директор Школы гвардейских подпрапорщиков не любил разгильдяев и мечтателей. В его представлении настоящий офицер должен был избегать излишней романтизации жизни, стремиться к трезвому отношению к реальности, но не гнушаться некоторыми вполне дозволительными слабостями, которые для гвардейца-корнета и есть настоящая «школа бытия».

Генерал Сутгоф не любил музыку, за исключением полкового оркестра, да и то лишь тогда, когда нужно было исполнить какой-либо марш на смотре или параде. Но генерал считал себя светским человеком и выказывал иногда свое благорасположение к музыкальному делу. Потому и к дочери своей с детства приглашал учителей. Юнкера Модеста Мусоргского генерал приметил на балу, после того как была исполнена им полька.

– Полковник, пригласите ко мне этого юношу, – сказал Сутгоф после бала заместителю.

На следующий день Модест предстал перед своим высочайшим начальством.

– Послушайте, корнет, – обратился к нему генерал, – я наслышан, что вы берете уроки у самого Герке. Это весьма интересно.

Сутгоф прошелся по кабинету, словно о чем-то размышляя.

– Знаете ли вы, – продолжил он, – что у меня на дому собираются некоторые юнкера Школы, которые пользуются моим особым расположением?

– Никак нет, Ваше превосходительство, – отвечал Мусоргский.

– Так вот, я бы желал и вас видеть в числе этого избранного круга. Прошу быть в эту субботу у меня. И по возможности, не забудьте присочинить что-нибудь на фортепиано к сему случаю. Вы меня понимаете?

– Да, Ваше превосходительство.

– Вот и хорошо. Ступайте.

В субботу у Сутгофа собрались несколько юнкеров. За столом в гостиной присутствовала семья генерала. Среди родственников выделялась его дочь, почти ровесница Модеста. Посреди небольшого застолья, впрочем весьма сдержанного и не столь пышного – все-таки авторитет директора Школы не позволял особенно сходиться с учащимися – генерал объявил:

– А теперь, господа, пригласим к инструменту наше новое дарование – корнета Мусоргского. Он нам кое-что наиграет. Не правда ли, корнет?

– Я готов, Ваше превосходительство.

– Ну что вы, Модест, у меня дома можно без чинов и званий. Вы здесь свой.

Модест сыграл несколько разученных ранее пьес, затем перешел к польке, под которую все стали танцевать. Затем он немного поимпровизировал.

– А теперь – в четыре руки! – сказал генерал и под аплодисменты подвел к смутившемуся Модесту свою дочь.

Развернули ноты. Сыграли несколько произведений. Всем очень понравилось.

С тех пор Модест стал постоянным гостем в доме Сутгофа, а про его игру пошли по школе всяческие шутки и анекдоты, которые очень ему досаждали, но вскоре стали привычными и даже в некотором роде лестными.

Бравада кутежами и всяческими фатовскими проделками и развлечениями в Школе существовала всегда. Напроказить где-нибудь, выкинуть какой-нибудь номер на балу или в собрании, о котором после ходили бы слухи и анекдоты, считалось определенным достоинством. А уж амурные похождения занимали особое место в рассказах юных корнетов. Выдумок на этот счет было великое множество.

Вот почему даже сам генерал Сутгоф, видя страстное увлечение Модеста не только музыкальными занятиями, но и всяческими науками, и в первую очередь историей и философией, нередко замечал ему:

– Мой друг, ежели вы будете так усердствовать, то я не ручаюсь, что из вас выйдет настоящий офицер. Равняйтесь на ваших товарищей, иначе вы останетесь в хвосте.

И Модест равнялся. Так же, как все, участвовал в вечеринках. Так же, как другие, частенько не готовился к занятиям. И лишь способности и хорошая память спасали его от неудач. Кутежи не мешали ему познавать предметы. Он схватывал все на слух и даже, не успев подготовить урок, отвечал, к изумлению одноклассников, вполне сносно, что и позволяло ему слыть в числе лучших учеников Школы.

Корнетам особенно благоволил сам Император Николай Павлович. Он частенько посещал Школу и встречался с ними. На одном из парадов отметил художавого юнкера, стоявшего посреди строя.

– Ваше имя, корнет?

– Модест Мусоргский, Ваше Императорское величество.

– Каков ученик? – спросил Николай у стоявшего рядом генерала Сутгофа.

– Исправный, Ваше величество. Успевает во всем, да к тому же имеет музыкальные успехи и поет в нашем церковном хоре.

– Ну что ж, я весьма доволен. Желаю успехов на вашем поприще, – сказал царь, слегка похлопав Модеста по плечу.

Известие о неожиданном внимании Императора тотчас облетело Школу. Дошел слух и до священника Кирилла Крупского, преподававшего Закон Божий и руководившего школьным церковным хором.

– Благодаря вам, Модест, наш хор прославился и стал известен самому государю, – отметил он во время одной из репетиций.

Отца Кирилла юнкера звали не иначе как корнетом Крупским. Считали его за своего и весьма любили.

Модест пел в церковном хоре, и часто разговаривал с его руководителем о древнерусской музыке, интересовался строем древнего церковного пения. Необычность строя греческой музыки привлекала его внимание. История не только православных, но и католических песнопений притягивала своей многовековой таинственностью, удивительно строгой преемственностью, непривычным порой строем.

Отец Кирилл поощрял увлеченность юноши. Именно он познакомил его с духовными хоровыми произведениями выдающегося русского композитора Дмитрия Бортнянского. Так ученик изучил, о чем он позже сам напишет в письмах, «композиции Бортнянского и некоторых других еще менее древних наших композиторов духовной музыки». Священник давал юнкеру разные ноты, которые достать было непросто.

Постепенно Модест начинал осознавать законы пения, связанные с уже воспринятыми им законами инструментальной музыки. Сочетание слов и мелодии, музыки и текста создавали, по его мнению, особенную атмосферу, более влияли на сердечное восприятие, нежели пьесы, пусть даже и исполненные хорошим ансамблем или оркестром.

Неосуществленные замыслы

Шел второй год занятий в Школе. Неожиданно для всей семьи Мусоргских случилось несчастье, Скончался Петр Алексеевич...

Матушка долго не могла оправиться после тяжелой утраты. Ушел из жизни человек, с которым прожиты лучшие годы. Не стало главы семьи, ее основного кормильца. Ведь и Школа гвардейских подпрапорщиков, и занятия у Герке требовали немалых расходов.

Как теперь быть? Где взять необходимые средства?

А их нужно было все больше и больше. Амуниция, обмундирование, деньги на балы и танцы, всяческие непредвиденные расходы – все это требовало средств. «Настоящий корнет» – это в обязательном порядке не бедный юноша. Так считалось в Школе. Не бедный...

Через год после кончины отца Модест вынужден оставить занятия у Герке.

– Вы уже вполне самостоятельный человек, – напутствовал его Антон Августович. – Навыки игры у вас порядочные, а как жить дальше – решать вам самому. Я всегда говорил, что нужно сделать выбор: или музыка, или светские юнкерские забавы. Вы, как я вижу, этот выбор уже сделали...

Герке был не прав в главном. Юношеская увлеченность Модеста военным мундиром ни в коей мере не погасила в нем той искры таланта, которая в любой момент, в любую благоприятную минуту могла превратиться в настоящий пожар.

Модест расставался со своим учителем, одновременно, словно расставаясь со своим увлечением. Мусоргский бросился в новый для него мир без оглядки.

Да, он стал самостоятельным. Матушка уже не опекает его, как прежде. Бывало, Петр Алексеевич контролировал его планы и его быт. Теперь все иначе. Теперь больше свободы, больше можно полагаться на самого себя.

Однако музыка – одна из серьезных сторон его повседневной жизни. Вместе с друзьями-юнкерами он бывает в концертах, играет по вечерам у знакомых. Итальянская опера становится предметом его страсти. Петербургские театры ему знакомы вполне, начиная от Эрмитажного и вплоть до публичных городских, таких, как именитый Мариинский.

Он становится знатоком оперы. Однокашники испрашивают его совета, выясняют его мнение, равняются на его вкусы.

И вот уже он сам не прочь дерзнуть сочинить... оперу. Он уже воображает себе, как его опера будет поставлена на лучшей столичной сцене, как на ее премьере соберутся друзья и знакомые. Придет матушка, Антон Августович. Будет успех, будут аплодисменты...

Опера что ни на есть романтическая. Только недавно прочитан Виктор Гюго. Прочитан в оригинале, на французском. Сюжет для оперы заманчив и интригует. «Ган Исландец» – предварительное название. Мысли и идеи роятся, но как их осуществить?

Музыка – не простое искусство. Оказывается, писать оперы – это не сочинять польки или марши. Импровизация тоже не особенно помогает. Тут своя традиция, свои законы, своя школа...

Писать оперу трудно...

Модест пробует и бросает, начинает и, не закончив, оставляет нотные листы чистыми...

И вот он уже выпускник Школы. Без пяти минут гвардейский офицер. Сбывается мечта отца. Он – на военной службе.

Блестящие перспективы.

Блестящая карьера.

Далеко в памяти остались первые уроки музыки в родовом имении сельца Карева в Псковской губернии. Словно бы и не он это был, будто какой-то другой мальчуган лазил

по деревьям усадебного парка, удил рыбу в озере, волновался перед первым выступлением на публике с концертом Филда...

Многое изменилось с тех пор. Новые перемены грядут. Вновь открывается какая-то иная, незнакомая жизнь.

Блестящее продвижение куда-то вперед.

Но музыка...

Она все же не дает покоя. Она снова и снова вырастает, словно из глубины души, беспокоит, бережит сознание, заставляет в волнении биться сердце! Она приходит из памяти так полновластно и сильно, будто была там всегда. Она заполняет мысли во время досуга, она пробуждает во время сна, она скрашивает минуты одиночества и усталости.

Она живет!

А разве можно убить в себе это живое, томительное, сладостное, сокровенное... Чтобы совершить такое, нужно и впрямь быть совершенно черствым или чрезмерно упрямым...

Мусоргский вступал в новую жизнь, еще не зная, что принесет она ему. В свои семнадцать он лишь мог предполагать и надеяться на то, что в ближайшем будущем Фортуна обернется к нему лицом, его счастливая звезда загорится ярче всех.

Ведь он был юн и талантлив.

Он жаждал жизни и успеха.

Он спешил жить.

ГЛАВА II. ПРОБУЖДЕНИЕ

На службе

Преображенский полк – славный полк. Из русской гвардии – старейший. И самый почетный. Создан был еще Петром Великим полтора столетия назад из «потешных» войск, с которыми юный государь резвился в игрушечных крепостях. А название полк получил по подмосковному селу Преображенское, где все эти «баталии» и происходили.

Уже не в игрушечных войнах со Швецией полк отличился и потому всегда был в личном распоряжении Императора. Гвардейцев подбирали тщательно, чтобы росту были немало да чтоб смелостью, храбростью и умом отличались. В Отечественной войне 1812 года преображенцы проявили себя не менее отважно. Такая славная история придавала офицерам и солдатам полка особую значимость, и служить в нем считалось почетно.

Нынче в лейб-гвардии Преображенском полку прибыло. Новые гвардейские офицеры зачислены в штат и поставлены на довольствие. Большинство из них – совсем молодые люди. Офицерская форма сидит на гвардейцах будто бы чужая. На худощавых плечах – огромные золотые эполеты. На перевязи – громадная сабля.

Есть где покрасоваться юным гвардейцам. Везде они вхожи, в самых знатных домах отворяются перед ними двери. Как же, ведь женихи хоть куда! И честь, и слава, и мундир. Всякое благородное семейство не прочь породниться и принять к себе офицера-преображенца. Благо времена наступили мирные. Крымская кампания закончена. Никаких иных военных баталий не предвидится...

Преображенцы навещаются в гости обычно большой компанией. В числе заводил – худощавый подпрапорщик Модест Мусоргский. Он быстро усваивает привычки и манеры одного из привилегированных петербургских полков.

Главное в манерах офицера – изящество. Все движения слегка замедленны и небрежны. Когда же требуется подать руку даме или пододвинуть ей стул – напротив, следует это сделать быстро и ловко.

В одежде перво-наперво – чистота и подчеркнутое франтовство. Как всегда, важны все регалии полка, а также слегка расстегнутый ворот на шее – свидетельство и некоторой небрежной демократичности, и в то же время вполне либеральной подтянутости.

Походка... О, это особая статья! Ходить офицеру-гвардейцу подобало так, чтобы его можно было узнать и в штатском платье. Науке сей учились не один год. Нужно было уметь чуть-чуть, едва заметно приподниматься на цыпочки при каждом шаге. Такая походка называлась «петушинный шаг». «Петушком» входили на строевой плац и в лучшие салоны столицы. «Петушком» с годами «входили» в новые должности, в новые чины, получали повышение в звании и по службе.

Нужно было также уметь хорошо танцевать самые модные танцы, один из которых – вальс – требовал тренированности и навыка. Следовало уметь вовремя и точно отпустить в разговоре две-три фразы по-французски, что сразу же выдавало светского человека. Считалось незаурядным на застолье съесть и выпить много, при этом не опьянеть и держать себя в руках и в рамках приличия, а также время от времени произносить не банальные здравницы и тосты. И наконец, необходимо было обладать навыками хорошего визитера, славой амурного храбреца и покорителя дамских сердец, играть в карты, причем не стесняться проигрывать приличные суммы, – в общем, быть настоящим теперь уже не корнетом, а гусаром.

Мусоргский во всем этом преуспел. Вышеперечисленными премудростями обладал вполне, и «честь гвардейского мундира» не была им запятнана ни в коей мере.

Но Модест Мусоргский в свои семнадцать лет обладал еще одним умением, еще одним навыком, выгодно отличавшим его от старших товарищей и сверстников: он играл на фортепиано. И не просто играл, а хорошо играл, и к тому же импровизировал.

Балы, танцы, вечеринки, пирушки не обходились без него. В компании он был незаменим. Во всяком доме – принят одним из первых.

Вскоре в полку даже стал образовываться небольшой кружок любителей музыки. Не один Модест имел музыкальное образование, хотя «школа» Герке принесла ему определенный авторитет. Среди офицеров были прекрасные вокалисты. Один из них – Орлов имел особенное пристрастие к маршам и прослыл поэтому «маршевым музыкантом».

Зачастую они не участвовали в пирушках и собирались вместе, чтобы помузицировать.

Иногда разгорались споры. Спорили Бог весть о чем. Многие из юношей еще были мало знакомы с историей музыки. Но каждый считал себя знатоком.

Пианист Николай Оболенский любил инструментальную музыку.

– Наши российские композиторы, – вдруг начинал он, – еще пока не создали ничего достойного ни в симфонии, ни в камерной музыке. Разве что с Глинки можно считать рождение нашего инструментального творчества.

– Вот уж тут ты не прав, – отвечал ему знаток романсов Григорий Демидов. – Ты и вовсе забыл, что были у нас такие композиторы, как Бортнянский, Козловский, Пашкевич, Фомин. Они жили давно, еще в екатерининскую эпоху. Но уже тогда сочиняли много интересного, из чего большинство нынче забыто.

– А я вот думаю, – вступал в разговор Модест, – Моцарт, и в первую очередь его «Дон Жуан», образец для нас и нашей музыки. Есть много приличного и у итальянцев.

– Отчего так категорично? – вопрошал Оболенский. – Разве «Руслан» да «Жизнь за царя» Глинки не есть наш образец? А «Русалка» Даргомыжского?

– Признаюсь, к стыду своему, я толком не имею представления об этой музыке.

– Вот тебе на! – вскричал Демидов. – А я думал, брат, что ты, можно сказать, наш лучший полковой музыкант, да еще и ученик Герке, дашь нам фору в знании русской музыки.

Модест сокрушенно покачал головой:

– Есть у меня такой пробел. Надо бы не столько много времени отдавать похождениям и пирушкам, а всерьез изучить и наш отечественный музыкальный театр, и музыку симфоническую.

– Стану первым сотрудником и сотоварищем тому, кто пожелает начать знакомство с русской музыкой – воскликнул друг Модеста Ванлярский.

– Я готов, – поддержал его Мусоргский.

– Мы с вами, – ответили товарищи.

Решено было посещать музыкальные салоны и вечера. Для начала побывать у самого Даргомыжского, с которым Ванлярский был знаком и в дом которого был вхож.

– Вот бы познакомиться с ним. Страшновато, правда. Ведь какая знаменитость! – говорил Модест.

– Даргомыжский не любит больших вечеров и светского общения. Знакомства заводит редко. Но попробуем, – сказал Ванлярский.

Однако прежде чем Мусоргскому довелось впервые побывать в гостях у Даргомыжского, произошло еще одно знакомство, определившее не только ближайшие годы его жизни, но и всю его судьбу.

Счастливые встречи

Во 2-м Военно-сухопутном госпитале появился новый ординатор. Ученик Николая Николаевича Зинина – гения русской химической школы, академика, первого президента Русского физико-химического общества, – он целеустремленно занимался практической терапией и токсикологией, работал как патолог.

Зовут ординатора Александр Бородин. Но служащие госпиталя уважительно называют его по имени-отчеству – Александр Порфирьевич. Он хоть и молод, но к уважению «обязывает» его высокий рост, могучее телосложение, выдающее человека огромной физической силы. Привлекал он внимание и своей красивой, статной внешностью. Носил усы и был похож на былинного Алешу Поповича. Происхождение Бородина было необычным. Когда у князя Луки Степановича Гедианова, проживавшего в Петербурге, родился внебрачный сын, он решил записать его за своим камердинером Порфирием Бородиным. Так Саша Бородин оказался крепостным своего отца; впрочем, перед самой кончиной тот дал ему вольную.

Рос Саша у своей родной матери Авдотьи Константиновны Антоновой, слывшей красавицей. Средств, оставленных Лукой Степановичем, было достаточно, чтобы дать сыну хорошее образование. Еще в детстве мальчик говорил по-французски, по-немецки и по-английски. Музыка же была естественным дополнением к его домашним урокам. Очень любил он играть со своими друзьями на фортепиано. Занимался на флейте, самостоятельно освоил виолончель и даже сочинял для этих инструментов.

Но вместе с подобными увлечениями в его душе, а значит, и в его быту росла еще одна страсть, поглотившая затем добрую половину всех его жизненных сил.

Постепенно родные и знакомые стали замечать, как вся квартира наполнялась разными банками, стеклянными сосудами, заполненными химическими препаратами, порошками, разноцветными кристаллическими растворами. Весь дом пропах этими препаратами, и даже стали бояться пожара. А Сашу немного журили за увлечение.

И вот теперь он – известный химик, ординатор. И уже ничто не напоминает о былых проказах или незаслуженных наказаниях...

Бородин был практиком, все стремился вместить в свои могучие ладони, потрогать, проверить, ощутить. Потому работал много. Частенько оставался в госпитале после положенного времени. И от дежурств, которые происходили постоянно, никогда не отказывался.

В один из ненастных дней октября 1856 года Александр Бородин приступил к дежурству в госпитале, как обычно. Обход больных уже завершен, делать стало нечего, и он решил отдохнуть в дежурной комнате и поразмышлять о предстоящих опытах в домашней химической лаборатории.

К изумлению, ординатор обнаружил в дежурке офицера, который, явно скучая, почитывал газету.

– День добрый, – поздоровался Бородин. – Сегодня вы дежурите?

– Здравствуйте. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Модест Мусоргский, – представился гость. – Именно. Сегодня меня заслали в эту дыру.

– Бородин... Александр, – протянул ему руку ординатор.

– Будем знакомы.

– Так отчего же дыра, позвольте спросить?

– Я, конечно, выразился немного чересчур. Но согласитесь, ведь вы военный врач, и вам здесь подобает находиться. А я вот – боевой офицер. И что же: сижу тут, в дежурной, в госпитале, среди больных и немощных. Взвоешь, в самом деле. Вот она, служба гвардейца!

– Понимаю вас, – кивнул Бородин.

– На службе все однообразно. Скука. После службы – то же самое. Балы, танцы...

– Вы любите балы и танцы?
– Люблю танцевать. И вообще – музыку.
– Музыку?! То-то я обратил внимание на ваши руки, выхолненные и почти точеные. Играете сами?
– Точно так. Балуюсь. На тихогроме, как называл фортепиано поэт Державин.
Бородин, услышав об этом, с радостной заинтересованностью заговорил о себе:
– Я ведь тоже играю. И даже сочиняю... чуть-чуть, в свободное от работы время. Но считаю это пока тоже баловством.
– А знаете ли вы, что сегодня вновь придется баловаться у вашего главного доктора на дому? Получил приглашение к вечеру. У него там, видите ли, дочь, симпатичная девушка. Родители созывают к ней нашего брата, для знакомства.
– Надо же! Я ведь тоже приглашен к ним сегодня. Что же, пойдемте вместе. И вообще, давайте дружить! Ведь нам тут, я думаю, не редко придется коротать время вместе.
Так познакомились, а затем быстро сблизились два этих военных человека. Пока еще военных. А в ближайшем будущем – два гения русской музыки.

За этой встречей, почти без перерыва, последовала и другая, не менее значительная в жизни Мусоргского-гвардейца.

Ванлярский сдержал слово. Он привел Модеста в дом знаменитого Даргомыжского. Здесь юный гвардеец искал то, о чем долгое время мечтал, занимаясь еще с матушкой, а затем с Герке. Он мечтал о настоящей жизни в музыке, о сочинительстве, о создании крупных, заметных произведений.

Знакомство с Даргомыжским не стало мимолетным. Хозяин дома приметил молодого человека и предложил ему регулярно посещать музыкальные вечера. Модест был включен в число близких дому людей.

Вот когда произошло настоящее знакомство Мусоргского с русской музыкой! Она звучала в доме Даргомыжского всегда. Здесь Модесту суждено было услышать многие сочинения Глинки и самого хозяина, здесь исполнялись народные песни и романсы.

Возвращаясь домой, Мусоргский подолгу не мог заснуть, невзирая даже на то, что вставать на очередное дежурство приходилось порой рано поутру. Он не только вспоминал и мысленно проигрывал услышанные мелодии, но и начинал сочинять сам. И чем дальше, тем все более. Новая музыка, посещавшая его в те дни, навевала далекие детские грезы, воскрешала давно забытые чувства и ощущения. Вспоминались родные псковские поля, пение деревенских женщин...

Однажды среди ночи Модест бросился записывать только что пришедшую в голову музыкальную фразу. Из нее вскоре сложилась пьеса, хотя пьесой называть это произведение было еще рановато. Лучше так: фортепианная картинка. А озаглавить ее можно тоже просто и незамысловато: «Воспоминание детства».

Теперь появилось желание играть и сочинять, появилось стремление учиться, познавать, набираться опыта, понять глубокие корни и законы, на которых зиждется русская музыка. Книжки и музыкальные вечера лишь частично восполняли это желание. Хотелось живого слова, живого общения.

Среди многих посетителей вечеров у Даргомыжского Модест вскоре выделил спокойного и очень образованного офицера, который был старше его на несколько лет. Но не только старше, а еще и опытнее. Как военный, он уже имел высшее академическое образование и служил инженером по вопросам строительства крепостей, или, как их еще называли, фортификационных сооружений. Как музыкант, он также имел не меньшие таланты и заслуги. Прекрасно играл на фортепиано, а также имел навык и школу в композиции, ибо учился у самого Станислава Монюшко – европейски признанного композитора.

Еще же этот военный инженер был дружен с теми, о близости с кем Мусоргский и мечтать не смел, – с великими знатоками музыки, известными критиками Стасовым и Серовым.

Звали этого человека непривычно – Цезарем, а фамилия была вполне французского происхождения – Кюи.

Уже через два дня Мусоргский и Кюи бойко играли в четыре руки на концерте у Даргомыжского. Они не только сдружились, но и сыгрались вместе, будучи прекрасными пианистами.

Так, один за другим, словно по волшебной цепочке, входили в жизнь Мусоргского все новые и новые люди, каждый из которых сделал для него многое, чтобы пробудить истинный талант, скрытый в нем. Эта цепочка благодаря Кюи привела его, наконец, к еще одной встрече.

Знакомство и дружба на всю жизнь

Декабрьский морозец упрятывал лица прохожих в воротники и меховые шапки. Дрожки, поскрипывая, плавно катились по Невскому. Вдалеке искрился на солнце шпиль Адмиралтейства. Милый Балакирев всматривался в черты столичного города, столь не похожего на Нижний Новгород – его родину, ни на Москву и Казань, где он обучался музыке. Новый дом – Санкт-Петербург выбрал он себе для проживания.

В столицу Балакирева привез его земляк, музыкант-любитель Улыбышев, взяв на себя все путевые расходы. В течение месяца юный композитор успел устроиться преподавателем фортепиано и выступить на концерте в зале Кронштадтского коммерческого собрания. За это же время он приобрел новых друзей. И каких! В канун Нового, 1856 года Балакирев был приглашен на елку к самому Глинке. Здесь он встретился с Даргомыжским. В это же время его представили Серову, а чуть позднее – Цезарю Кюи.

Казалось бы, никаких особенных событий в музыкальной жизни Петербурга не произошло. Но что же тогда дало повод Стасову сделать в своем знаменитом историческом обзоре «Двадцать пять лет русского искусства» следующую запись: «С 1855 года начинается новый фазис русской музыки. В Петербург приезжает из Нижнего Новгорода восемнадцатилетний юноша, которому суждено было играть необычно крупную роль в судьбах нашего искусства. Это был Балакирев...» Поводом для таких слов, видимо, было и непередаваемое обаяние юноши. Он и в самом деле в первые минуты поражал всех. Блеском искрящихся глаз и напористой энергией в ведении беседы, обширными познаниями в самых разнообразных культурных сферах и неукротимым желанием что-то сразу, здесь же, создавать, строить, наконец, своими собственными свежими сочинениями и переложениями из опер Глинки. Его просили играть, и он никогда не отказывал. Глинка у себя в доме сделал его выступления правилом, и тот «всякий раз по приходе должен был сыграть свою фантазию».

У Глинки за фортепиано садились многие. Играли и в четыре руки, и даже в восемь. Боготворение хозяина и учителя было неписаной заповедью, слушались его с полуслова. Но ершистый юный нижегородец, и месяца еще не пробыв в Петербурге, позволял себе то, чего не позволяли даже близкие друзья автора «Арагонской хоты». «Как ни сыграешь, все не по нем. Вообще на Глинку трудно угодить», – ворчал этот провинциал. Ну а чем дальше, тем больше. «У нас с ним завязался маленький спор, – рассказывал Балакирев. – Я уверял, что в интродукции есть одно место, где флейты не слышно, и что не нужно ли ее поэтому как-нибудь усилить; Глинка же доказывал, что не может быть этого... Так ничем и кончили мы этот спор... Не хотел ведь со мной согласиться Глинка, а был не прав...»

Ай да дерзкий молодой человек! Уже с этих дней он приобретал не только взаимопонимание, но и отчуждение, враги как на дрожжах росли вместе с друзьями. Но не таков был Глинка, чтобы не оценить заносчивого пианиста по достоинству. Всего два-три месяца общались они перед последним отъездом Глинки за границу в апреле 1856 года. И уже через год Балакирев в Кронштадте будет встречать тело учителя, привезенное на пароходе из Берлина, и приносить цветы к его могиле в Александро-Невской лавре.

Но тогда, перед самым отъездом, оставляя родину, Глинка скажет сестре: «Ежели умру, то дай мне слово, что никому не позволишь, кроме Балакирева, начать и окончить ее музыкальное образование; в первом Балакиреве я нашел взгляды, так близко походящие к моим во всем, что касается музыки... И я тебе скажу, что со временем он будет второй Глинка». По поводу «ее образования» – имелась в виду Ольга – любимая племянница Глинки.

Балакирев быстро завоевал Петербург. Вокруг него «лепятся» передовые, критически настроенные молодые музыканты, о которых довольно противоречиво, но достаточно эмоционально высказывался Стасов: «Вся эта молодежь была свободна от предрассудков... не боя-

лась признавать устаревшим или малоталантливым то, что иногда высоко чтится по школьным правилам. Мало того: даже у тех гениальных композиторов, перед которыми она все более преклонялась, она не считала себя обязанною находить превосходным все сплошь...»

«Все мы были юны, увлекались, критиковали резко, – вспоминал полвека спустя Кюи. – Господи, как были мы непочтительны к Моцарту и Мендельсону, как увлекались Шуманом, а потом Листом и Берлиозом, но выше всех ставили Шопена и Глинку. Засиживались до поздней ночи. Вот какую консерваторию мы все проходили».

Цезарю Кюи и было суждено соединить руки Балакирева и Мусоргского. Это произошло летом 1857 года на одном из вечеров у Даргомыжского.

Со многими уже был знаком Модест. Многих почитал, многим поклонялся. Но еще не было у него настоящего друга, товарища, близкого по духу. Мусоргский так привязался к Милию Балакиреву, что уже не мыслил своей жизни и своего музыкального образования без него. Талант и темперамент молодого наставника, его устремления к развитию традиций русской музыки вызывали у Модеста восхищение.

– Я бы... Мне хочется попросить вас... Впрочем, нельзя ли брать у вас уроки композиции? – спросил как-то у Балакирева смущенный Мусоргский.

– Вы знаете, я не теоретик. Гармонии учить – не мое дело. Но объяснить форму сочинений так, как я это понимаю, – пожалуйста, готов. Будем изучать все на практике. Идет?

– Согласен.

– Тогда встречаемся по пятницам.

Балакиревские пятницы

В магазин знаменитой фирмы музыкальных инструментов Беккера вошли два молодых человека. Деловито обошли ряды фортепиано и роялей. Остановились у одного из них.

Тот, что был пониже ростом, открыл крышку инструмента и пробежал пальцами по клавишам.

– Сразу видеть профессиональ! – произнес хозяин магазина с немецким акцентом. – О, этот инструмент... Очень хорошо! Господа не пожалеть брать!

– И в самом деле не плох, – обратился Балакирев к Модесту. – Вот то, что вам нужно. Непременно нужен хороший рояль, ежели вы всерьез решили заняться музыкой.

– Что ж, буду просить матушку помочь с покупкой.

– Господа сделать лучший выбор! – расплылся в улыбке хозяин.

Через неделю «Беккер» красовался в квартире Мусоргских. «Я Вам должен быть тысяча раз благодарен за прекрасный выбор... – писал Мусоргский Балакиреву. – Я сегодня так хватил по этой машине, что у меня в кончиках пальцев началась какая-то жгучая, острая боль, точно мурашки заходили...»

Обновили рояль Второй симфонией Бетховена, которую друзья сыграли в четыре руки на следующем занятии. А потом играли и Шумана, и Шуберта, и Глинку.

Занятия стали постоянными. Продолжались, но не всегда регулярно.

«Извините, голова кружится, только что из дворца с парада», – пишет Мусоргский Балакиреву. Служба все больше и больше мешает ему, отнимая не только драгоценное время, но и силы.

«К величайшему сожалению, должен я известить Вас, что завтрашний вечер я не свободен, потому что иду в караул...»

«Завтра я дежурный, это досадно, ужасно хочется повидаться с Вами...»

Встречи с Балакиревым заставили Мусоргского задуматься не только о своем дальнейшем музыкальном образовании, но и о себе самом, о своей жизни, о смысле существования.

Модест жадно читает философские и исторические книги, увлекается мистицизмом, ощущает внутри себя даже какую-то болезнь, которую позднее назовет «страшной». Он сильно страдает от этой болезни и становится очень чувствительным и впечатлительным. Это эмоциональное состояние, усугублялось тем, что всякий раз после занятий с Балакиревым он понимал: как же он еще далек от настоящего осознания искусства! Это состояние никак не вязалось с его повседневной обязанностью служить в полку.

Каждый день, когда приходилось ему общаться с друзьями-гвардейцами, он воспринимал свое положение почти катастрофическим. Здесь он был телом и отчасти разумом. Но его сердце, его душа, его мысли, вся его жизнь была уже не здесь. Он жил другим и для другого.

Выбор был необходим. Искусство и армейская служба для него несовместимы. Если для Бородина и Кюи, казалось, не составляло труда в коротенькие перерывы между выполнением обязанностей и работой писать свои сочинения, то его душа должна быть отдана музыке полностью.

Знакомство со Стасовым, покровителем Балакирева, прозванным друзьями Генерал-Бахом за свою память и титаническую работоспособность, еще более предопределило принять решение уйти из полка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.